

УДК 378
ББК 74.05

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ПОСТМОДЕРНА

Александров Антон Михайлович

Бизнес-тренер, преподаватель департамента методологии и обучения
Регионального информационного центра № 180
общероссийской сети распространения правовой информации «Консультант Плюс»
anton@icm.ru
ул. Советская, 34, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Выявлены и рассмотрены основные подходы к определению феномена непрерывного образования. Обозначены проблемные поля процесса развития инфраструктуры непрерывного образования в Российской Федерации. Описаны взаимосвязи пост-образовательных форм с социальной структурой Постмодерна. Намечены варианты возможного развития кризисной ситуации в сфере образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, кризис образования, Постмодерн, гносеосимуляция, транснациональные корпорации, общество риска.

Непрерывное образование является характерной чертой общества Постмодерна. Важно понимать, что общество структурируется во многом на основании того, в каком отношении к знаниям, к образованию находится та или иная социальная группа. Таким образом, изучив феномен непрерывного образования, можно будет лучше понять пост-современное общество. И наоборот: имея определенный фундамент знаний о Постмодерне, можно прогнозировать вектор развития непрерывного образования.

Система непрерывного образования (далее СНО) в своем становлении непосредственно связана с развитием постмодернистического дискурса о кризисе классического образования эпохи Модерна. Таким образом, не-

обходимо говорить о непрерывном образовании не как о следующей ступени развития высшей школы эпохи просвещения, а как о принципиально новом феномене.

Существует несколько подходов к определению феномена СНО. Первый – это так называемый *неолиберальный подход*, при котором общество предоставляет реальную возможность всем своим членам повышать уровень образования на любом этапе их жизни для достижения максимальной личностной самореализации. В этом контексте образование на протяжении всей жизни (lifelong education) рассматривается прежде всего не как специфический способ получения знаний, а как «возможность доступа к этим знаниям

для всех социальных групп» [5, с. 346]. Здесь речь идет не об утилитарных, конкретных целях, а о возможностях духовного и физического саморазвития человека.

Этот подход имеет ряд изъянов. Прежде всего, это определенная декларативность такой установки, так как возможность духовной самореализации для среднего класса (и тем более для элиты) существовала и существует и без формальности непрерывного образования. С другой стороны, низшие страты общества как не имели, так де факто и не имеют возможности для личностного роста, занимаясь исключительно вопросами физического выживания. К тому же определенная формализация стихийных вариаций образовательных проектов в значительной степени ограничивает доступ к нужной информации за счет необходимости получения дополнительных лицензий, сертификатов, ведения отчетности и, как следствие, коммерциализации образования.

Второй подход к определению непрерывного образования – *инструментальный подход*. Развитие такого утилитарного подхода связывают, как правило, с несколькими факторами. Это изменение экономической среды, рынка труда, демографической обстановки, стремительное развитие НТР и глобализация. В этом контексте непрерывное образование рассматривается как некая позитивная адаптивная система в переходный период к постиндустриальному обществу. Соответственно, СНО рассматривается как профессиональная переподготовка в процессе смены профессии или повышения квалификации для адаптации к новым социальным условиям.

Собственно, инструментальный подход является наиболее «растиражированным» в научной практике исследования трендов современного образования. В подавляющем большинстве научных работ этот подход рассматривается как исключительно позитивный и спасительный горизонт развития высшей школы. Как видится, это происходит потому, что СНО понимается только лишь как некая идеальная образовательная технология, в отрыве от фактического целеполагания заказчиков профессионального обучения и от непосредственной социально-экономической ситуации и культурного контекста России XXI века. Поэтому в настоящей работе хотелось бы осветить именно

латентные негативные тенденции, которые сопровождают систему непрерывного образования в ее становлении.

Третий подход, который рассматривается скорее как антитеза инструментальному варианту, – это так называемый *нигилистический подход*. Здесь непрерывное образование тоже видится как один из способов повышения социальной мобильности, как один из способов повышения прозрачности знаний, но только со знаком минус. Таким образом, эта гипотеза предполагает наличие сразу нескольких негативных трендов.

Во-первых, непрерывное образование будет фактически ориентировано не на адаптацию текущей социальной структуры к новым условиям и удержание этой структуры в привычных рамках, а, скорее, будет способствовать ее дестабилизации, что приведет к маргинализации широких масс населения.

Во-вторых, новый формат обучения необходимо рассматривать не как дополнение к традиционной современной системе образования, а как модель, которая призвана заменить (и вряд ли это будет безболезненно) образовательную инфраструктуру эпохи Модерна.

В-третьих, по своему формату, за счет размывания научной парадигмы Модерна, непрерывное образование ведет к гносеосимуляции (а на самом деле отрицанию) научного дискурса. «Непрерывный» взброс колоссального количества информации, не поддающейся осознанной рефлексии, способствует дерационализации личности и формирует неорархичное общество.

Если рассматривать систему образования как один из компонентов инфраструктуры управления и контроля над широкими массами людей, то необходимо подчеркнуть, что в эпоху Модерна эта система нуждалась в достаточно большом количестве образованных людей – как чистых управленцев, так и производственников. Нужны были люди, которые способны самостоятельно принимать решение в критических ситуациях, которые могут стратегически мыслить. Университет готовил людей, способных транслировать конкретный культурный код и, соответственно, обладающих относительно широкой независимостью и полномочиями, но которые в то же время де факто не являлись эли-

той. Речь идет о среднем классе, которому реальная элита передоверила значительную часть своих полномочий.

В эпоху расцвета индустриального общества и национальных государств ощущалась нехватка образованных людей в условиях значительных неосвоенных пространств, и это, конечно, была точка роста для системы образования. Сегодня же, учитывая, что уже существуют технические средства (и дальше они будут только совершенствоваться), которые способны удаленно транслировать культурный код, управлять, контролировать и производить, можно говорить о том, что система классического профессионального образования и непосредственно с ней связанный средний класс обречены на реструктуризацию.

Очевидно, что национальное государство сегодня перестало быть системным заказчиком образования. В последние годы складывается впечатление, что этот сегмент общественной жизни просто пущен в свободное плавание. Однако принимая во внимание, что Университет – это часть структуры стратегического управления, наивно предполагать, что система образования останется без внимания. Соответственно, запрос на образование все-таки существует и осуществляет его субъект, который обладает реальной властью либо стремится к такому обладанию. Таким властным субъектом в пост-современном мире является целый конгломерат транснациональных корпораций, прежде всего межбанковских структур [6, с. 22]. Собственно, первые концепты непрерывного образования были выработаны в 50–60-х годах XX века именно ТНК в целях увеличения мобильности рабочей силы в определенных отраслях в пределах Европы [11, с. 23].

Учитывая, что цели подобных структур направлены исключительно на экономическую эффективность, СНО с необходимостью приходится рассматривать как один из возможных функционалов этой пресловутой эффективности. Также с необходимостью инфраструктура высшего и среднего профессионального образования будет переходить в сферу ответственности ТНК. Согласно официальным концептам правительства РФ, «в ближайшем будущем будет обеспечена поддержка развития корпоративных образовательных организаций, а также присоединение к ним учреждений на-

чального профессионального образования. Будет обеспечено расширение практики участия бизнеса в управлении и финансировании деятельности вузов» [8].

Конечно, для отдельных социальных групп СНО означает широкие возможности выбора своего собственного стиля жизни. Для других, не обладающих знаниями и умениями и, в принципе, психофизическими данными, такая система образования сулит еще большие потери. Очевидно, что возможности и способности тех или иных личностей вписаться в новые, сверхмобильные социальные практики далеко не равноценны. Как подсказывает нам история, риски потерь, как и шансы обогащения, будут распределяться в этой гонке, как и раньше, – по классовому признаку. По всей видимости, риск, как оборотная сторона шанса, не упраздняет, а усиливает классовое общество. У. Бек утверждает, что «закон специфически классового распределения рисков и тем самым обострения классовых противоречий из-за концентрации рисков на стороне слабых долгое время считался и считается до сих пор одним из центральных измерений риска» [1]. Таким образом, соотношение рисков и шансов в обществе Постмодерна, где правят ТНК, играет не в пользу широких масс.

Как видится, непрерывное профессиональное переобучение в принципе находится за пределами человеческой размерности, если рассматривать широкие массы населения в целом, а именно о них идет речь в официальных концептах по СНО. Проще говоря, большая часть населения просто не сможет выдержать темп, который ей навязывает постсовременная система обучения, характеризующаяся процессом постоянной переквалификации.

Проблемы ритмического разлада, которые могут возникнуть в этой ситуации, описывает А.И. Макаров. Он утверждает, что «усталость конкретного эмпирического субъекта может быть вызвана конфликтом (рассогласованием) ритмов, разладом между нормами и планами индивида и общества. Ритмический разлад вызывается несовпадением предписываемого извне нормативного ритма и ритма индивидуальной жизни, в том числе смыслового ритма жизни индивида» [7, с. 84–85].

Текущие нормативные правовые акты, принятые в РФ, отражают тренд на опережаю-

щее развитие непрерывного образования. «Обучение населения в возрасте 25–65 лет по программам дополнительного профессионального образования должно возрасти с 22 процентов в 2011 году до 49 процентов в 2018 г.» [8].

Показательно, что СНО тесно связана как с будущим инновационным развитием, так и с опасностями, которые непосредственно сопровождают «общество риска». В стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. говорится о таких основных задачах инновационного развития, как «*формирование способности и готовности к непрерывному образованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности и готовности к разумному риску*» [10].

Государство или, вернее говоря, ТНК таким реформированием системы образования просто снимает с себя социальную ответственность за будущие негативные последствия. Конечно, постмодернистический формат взамен освобождает человека от определенных обязательств перед школой и, соответственно, государством, но насколько выгодна такая сделка для человека массы?

Таким образом, новая модель образования будет заниматься скорее не развитием человеческой личности, а отбраковыванием негодного человеческого материала. Те люди, которые не смогут ускориться, будут просто выброшены на свалку.

Постмодерн, как известно, ставит перед собой задачу слома остатков коллективной идентичности во имя полного освобождения человека, чтобы завершить то, что не успел или не смог Модерн. Таким образом, постмодернистическая, модульная СНО будет с необходимостью срезать «лишние» пласты гуманитарных мировоззренческих предметов из курсов высшего и среднего образования с целью формирования свободной, эффективной и сингулярной личности. Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации в указанной сфере станут: «реструктуризация сети вузов и реорганизация вузов, потерявших связь с рынком труда; переход к системе “эффективного контракта”; повышение нормативов финансирования образовательных программ высшего образования по инженерным, медицинским и естественно-

научным направлениям подготовки (специальностям)» [8].

В этом контексте Университет, освобождаясь от некоей политической составляющей своей деятельности, вступив в навязанную ему гонку за экономической эффективностью, обречен на вымирание [9, с. 199–200]. Скорость и объемы информационного обмена, необходимые для функционирования модульного непрерывного образования, также выходят за рамки размерности Университета – это слишком громоздкая структура.

СНО необходимо рассматривать как специфический продукт культуры Постмодерна, который характеризуется отрицанием идеи прогресса и, соответственно, поступательного накопления знаний. Объективное знание в этом контексте исчезает вместе с денотатом, оставляя нам коннотативные языковые игры, которые принципиально обратимы и поэтому, по сути, бесконечны. Происходит фундаментальный гносеологический сдвиг в самой интерпретации концепта знания: от того, что казалось постоянным, достоверным и конечным – в сторону относительности, непостоянства и бесконечности. Постобразование в этом контексте может быть (и должно быть!) только непрерывным, что мы, собственно, и наблюдаем на практике.

Такая сверхмобильность и текучесть знания самым прямым образом влияет на систему образования, а значит, и на процесс формирования культурного кода общества XXI века. Зигмунт Бауман утверждает, что «жизненный успех (и тем самым рациональность) людей постмодернити зависит от скорости, с какой им удастся избавиться от старых привычек, а не от скорости обретения новых. Лучше всего вообще не проявлять беспокойства по поводу выбора ориентиров; привычка, обретаемая в ходе этой игры, – это привычка обходиться без всяких привычек» [12, р. 125–126].

Таким образом, находясь в этом тренде, формат СНО основывается на нигилистическом подходе, то есть на отрицании знаний прошлого периода. Если речь идет о профессиональной переквалификации, то, если раньше электрика 4-го разряда учили на электрика 5-го разряда, то теперь электрика будут учить на сантехника, потом сантехника переучивать на токаря и так до бесконечности.

Другая сторона этой проблемы – усиление процесса ультраспециализации профессий, который характеризуется односторонней компетенцией в частных вопросах. Дробление навыков на узкие компетенции опасно еще и тем, что подобных специалистов достаточно легко заменить «машиной», компьютером.

За счет такого нигилистического формата образования происходит бесконечное дробление метарассказов именно в том контексте, как это описывает Франсуа Лиотар в своих работах. Формат непрерывного образования – это идеальная модель для сокрытия этой катастрофы крушения метанарратива Модерна. Сокрытие происходит за счет того, что постоянно наращивается интенсивность и объемы подачи внутренне несогласованной информации. Такая непрерывность подачи, собственно, и поддерживает иллюзию теснейшей взаимосвязанности фактически гетерогенных элементов и формирует процесс гносеосимуляции. Эти остатки, обломки метанарративов образуют, как модно сейчас говорить, метафизику свалки, где, смешавшись до почти полной неразличимости, находятся уже бесполезные на самом деле знания. «Клиповое сознание», создаваемое в процессе такого обучения, моделирует человека, в чьей памяти содержится огромное количество кусочков пазла, которые не могут (и не должны) сложиться в единую, цельную картинку.

В этом же контексте можно говорить о формировании шизоидной личности, которая возникает в процессе постмодернистического гносеологического акта. Субъект-шизоид склонен в процессе познания не анализировать объект, а встать на сторону объекта, «слиться с ним в экстазе» [3, с. 369–370]. Это происходит за счет именно непрерывности и скорости информационного водопада, который не дает человеку опомниться, не дает ему шанса рационализировать, проанализировать этот поток, и эта лавина подхватывает человека и несет, оставляя ему возможность реагировать, оценивать лишь эмоционально. Тем самым, у человека происходит утрата способностей к рационализации и обобщениям. И на выходе мы получаем гетерогенную массу, которая не имеет структуры, не имеет никакой коллективной идентичности и которая, таким образом, совершенно незащитна [2, с. 204–212].

Такие сверхновые массы, которые справедливо обозначаются как «человеческие останки», на самом деле малофункциональны в контексте экономической эффективности – это «лишние люди» во всех смыслах. В условиях глобальной перенаселенности планеты такие массы людей неэффективны даже в качестве рабов, которых можно держать в клетке.

Таким образом, система образования Постмодерна вместо того, чтобы решать сложнейшие проблемы, связанные с продовольственным, энергетическим и экологическим кризисами, пошла по наименее затратному пути. Это банальный путь сокращения затрат за счет уничтожения традиционного человека.

Такие негативные перспективы развития системы образования требуют для своего решения определенных концептуальных действий. Чтобы переломить этот негативный тренд (как самый простой вариант, который можно себе представить), можно просто выйти из сверхмобильного, убаюкивающего ритма Постмодерна. Это возможно сделать не только в индивидуальном порядке, который в этом контексте, конечно, больше похож на побег от действительности.

Исследователь Иван Иллич рассматривает, например, возможность создания сетевых образовательных структур, которые функционировали бы вне рамок, предписанных экономической эффективностью [4]. Если рассматривать возможные варианты развития образования, то наиболее перспективными видятся те концепты, которые, как минимум, учитывают вызов, брошенный Постмодерном. Понимание того, что текущий кризис нельзя решить «технологиями», исходит из соображения, что проблема, стоящая перед нами, не «техническая», а онтологическая. Нигилистическому тренду онтологии Постмодерна необходимо противопоставить некий позитивный образ. Трудность заключается в том, что сегодня нет такого образца, такого позитивного человеческого архетипа, который мог бы и должен был бы быть взят за нормативный и, соответственно, предопределять содержательный характер всего образования.

Создание позитивного антропологического образа возможно на основе критериев, присущих конкретным формам коллективной

идентичности. Разработка таких форм дает шанс и для раскрытия потенциала системы непрерывного образования. Государство Модерна, например, создавая запрос на образование, кроме чисто утилитарных задач ставило перед системой и социальные цели – цели формирования определенной коллективной идентичности. То есть Университет выпускал не только инженера, но и гражданина национального государства с набором целостных мировоззренческих характеристик. Однако нет смысла цепляться за программу Модерна, которая, как все же нужно признаться, исчерпала себя. Наиболее простая и понятная консервативная защитная реакция – это ложная альтернатива, которая лишь способна продлить агонию.

Таким образом, будущее системы образования не может быть инерциальным – это будущее должно быть открыто заново.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/bek/0/. – Загл. с экрана.
2. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр // Призрак Толпы. – М. : Алгоритм, 2008. – С. 186–241.
3. Дугин, А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А. Дугин. – М. : Евразийское движение, 2009. – 744 с.
4. Иллич, И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир / И. Иллич. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://svitk004_book_book/14b/3241_illih-osvobojdienie_ot_hkol.php/. – Загл. с экрана.
5. Ключарев, Г. А. К вопросу о теоретических основаниях непрерывного образования / Г. А. Ключарев // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / отв. ред. Г. А. Ключарев. – М. : ИС РАН, 2008. – С. 344–359.
6. Лиотар, Ф. Состояние Постмодерна / Ф. Лиотар. – СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
7. Макаров, А. Ритм и проблема человеко-размерности / А. Макаров // Ритмология культуры : очерки. – СПб. : Алетейя, 2012. – С. 72–90.
8. Основные направления деятельности правительства Российской Федерации на период до 2018 г. : утв. Правительством РФ 31.01 2013 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Загл. с экрана.
9. Ридингс, Б. Университет в руинах / Б. Ридингс. – М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 304 с.
10. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. : Распоряжение Правительства РФ от 08.12 2011 г. № 2227-р. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Загл. с экрана.
11. Телегина, Г. В. Образование в течение всей жизни – институализация в европейском контексте и ее оценка / Г. Телегина // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / отв. ред. Г. А. Ключарев. – М. : ИС РАН, 2008. – С. 16–38.
12. Zygmunt, B. The Individualized Society / B. Zygmunt. – Cambridge : Polity Press, 2001. – 272 p.

CONTINUING EDUCATION AS A SOCIAL PHENOMENON POSTMODERNITY

Alexandrov Anton Mikhailovich

Business Coach, Lecturer Department of Methodology and Training Regional Information Center № 180 National Network Dissemination of Legal Information “Consultant Plus”
anton@icm.ru
Soviet St, 34, 400005 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Identified and dealt main approaches to the definition of the phenomenon of continuing education. Identified problem fields of infrastructure development of continuing education in the Russian Federation. Describes the relationship of post-educational forms of the social structure of post-modernism. Outlines options for the possible development of a crisis in education.

Key words: continuing education, education crisis, Postmodern, gnoseosimulation, multinational corporations, risk society.